

18+

ИРТИМИД ВЕНИС

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ ЯСИНА
ОГНЕВА И ЗЛАТА
ЗМЕЕЕДА

Иртимид Венис
Удивительная история Ясина
Огнева и Злата Змеееда

<https://litres.ru/74218334>

ISBN 9785007034579

Аннотация

Завершающая часть цикла Муромских фантазмагорий, но уже как самостоятельный роман. Произведение выполнено в том же стиле альтернативного сюжета. Ветвление сценария показано через призму персонажей, так что не удивляйтесь, когда развилки судеб одних героев будут рассказываться от имени других.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЯСИНА ОГНЕВА И ЗЛАТА ЗМЕЕЕДА	5
ПУГАЛО	13
ОХОТНИК	19
ЯСИН ОГНЕВ	21
ЧИЛА	24
ПРОРОЧЕСТВО О ЦАРЕ	26
НА ЛЬВА ТОЛСТОГО	28
ПРОКЛЯТИЯ	42
ЯСИН ОГНЕВ И ЗЛАТ ЗМЕЕЕД	47
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Удивительная история Ясина Огнева и Злата Змеееда

Иртимид Венис

© Иртимид Венис, 2026

ISBN 978-5-0070-3457-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЯСИНА ОГНЕВА И ЗЛАТА ЗМЕЕЕДА

С Эльзой мы свиделись вновь под летним небом, и, страшно произнести, давайте лучше просто вдумаемся, сколько лет спустя; но с нашего детства будто прошел лишь час. Все верно, разве что час другого планетарного хода. Или то была лишь нестройная мозаика сна, в которой я собрал школьные драки, университетскую скуку, неудобства электричных перегонов, плохую погоду, где мерцает мое созвездие из восьми звезд, и вот я вновь рядом с этой красавицей с недовольным лицом, и погода, на редкость диво, ее не радует вовсе.

— Стучит заднее колесо.

— Какая же ты красавица, Эльза!

— Надо в сервис.

— Я восхищен.

— Ты-то как?

— Словно годы вернулись назад.

— Ты просто пьян.

И так мы доехали в автосервис, где Эльза имела внимание, но успехом это не назвать. Платить придется без скидок, красота не валюта уже и вовсе. И Эльза уже негодовала о мо-

ем присутствии; неумелый, нищий муж, еще и пьяный. С чего я был пьян неясно, но это сейчас поможет. Эльза целиком замкнулась в проблеме, когда мы ехали в такси, и взять ее за руку было страшно, дабы не сглазить результат автомобильной диагностики, потому как я и поломка были спаяны осью.

Эльза устала, Эльза раздражена, Эльза такая всегда. Пьем мы вино, как супруги перед разводом, в молчании отскандаленных и неразрешенных дилем, она сердится в телефон и целиком занята лишь им, как я окном. Вижу я инвалида, что гладит концом своего костыля пса, извалявшегося в пыли. Как и много лет спустя она любит неуединенное веселье, странен для меня ее парадокс, что вдвоем со мной она ждет время, когда ей отправиться на поиск кого-то более подходящего, от которого сердце будет неумолимо колотиться под студнем, что вкачен в ее сердце. Создается впечатление, что едет она вовсе не за весельем или танцем, а за показным фарсом. Я тоже еду туда, ведь план мой прост: кадрить в поле ее зрения другую, а уж в этом я преуспеваю, когда замотивирован, когда есть пара глаз, что меня ревниво сверлят. И в порыве откровения перекричу ей на ухо через громкие басы:

— А любил я многих, но на тебя всегда имел больше прав. А мы ведь даже не попробовали. И маленький я думал, что женюсь на тебе, лет до двадцати, ты тоже так думала, только не помнишь. И очень обидно за судьбу, что ее замысел способен рушить своей волей человек.

Дерганная Эльза пробовалась в крайностях, неусидчивая

в настроении, когда все было предопределено — воспротивилась судьбе тогда и ерепенится до сих пор. Но исповедь сработала, отъездной сумбур, и экипажная страсть, боясь, что момент упорхнет, не отпускаю ее рта своим, будто поймал в него муху.

И то, что должна была заиллюстрировать память, она заштриховала, будто стерилизовала спиртом, лишь пьяный стон, будто поранили косулю, а когда хотел взять за грудь, то не схватил враз, а брал долго, никак не нащупав силиконовый габарит.

— Как ты меня назвал?! — поверить не могу, что набрался так, что вместо Эльзы привез домой Дашу, разница как между барби и ее китайской штамповкой с вонючим пластиком.

Дашины волосы выжжены пергидролем. Предрассветный час, ее голова отвернута и волосы прикрывают лицо; ее храп слышен на улице, посмеивается инвалид, откашливая махорку; не поворачивайся, Даша, дай помечтать.

— Я спала с ним, — и жирная Марта не соврала Эльзе.

Действительно так получилось, что нам довелось выпивать одной компанией в Гагарке. То было единожды, и я тогда допустил ошибку, заговорив о Вербовском, а Марта допустила в ответ, заговорив о подруге, а я повторил промашку, поинтересовавшись что за подруга, Марта из всех, кого можно было утвердить на эту роль, назвала ту, на которую,

повторюсь, я прав имел больше. Я не блеснул с Мартой, не стоит винить только похмелье. Тогда я за это извинялся перед ней:

— Да это нормально, — успокаивала она меня своей тогда только пухлой ладонью.

— Извини, волнуюсь как на эльзамене.

— Ну так себе, — перебрала Марта соответствующе пальцами.

— Я тоже с ним спала, — раньше Марта от Эльзы этого не слышала, но теперь наша близость в ее памяти качественно улучшилась.

— Он мой первый, — а Марта думала, что напутала чьи-то дефлорированные подробности, — я лежала и заскрипели полы, а я стремалась, но это были баушкины спешные шаги, а вот когда слышались скрипы крадущиеся и более отчетливые я замерла, потому что знала, вот он идет, — он тогда зашел в мою комнату, — продолжала Эльза тем тоном, что сопутствует давней, но непоправимой тайне, — я прикинулась спящей, а он стал целовать меня, и тогда я уже прикидывалась просыпающейся, хотя все минуты была настороже. И грудь у меня тогда была совсем маленькая, а он не отлипал от нее. Дурак.

**В ПРЕДЗАКАТНЫЙ ЧАС ПО НАВАШИНСКОМУ
АКВЕДУКУ...**

В предзакатный час по Навашинскому акведуку едет голубая Таврия, после утверждали, что то мчался тыквенный Запорожец, кто его разберет, в багряных тех лучах. Ехали в нем теснясь, но ни в коем случае не обижаясь, трое. За рулем яко ворон, столь вид надзирателен его. Позади сидит матрона в черной рясе, лицо ее дородный овал, будто с игральных карт сошла дама да постриглась в монахини, бледная и покойна, а глаза ее водянисты и стеклянны. Губы ей лишь в последний миг набросил встрепенувшийся художник, однако наличие таковых не способствовало большей сговорчивости. Ворон сидит с черно-седой бородой, свисающей наподобие штандарта, тремя острыми клинами, эдакий почтенный патриарх и извоз дело для него непривычное и крайне ответственное. Лица тянут более на купчих людей, нежели на божьих слуг, кабы не их серьезный мрачный вид, будто везут они сам гроб Господень, а не крышу гнилых помидор. Третий — молодой бродяга, растрепанного вида, худосочный и долговязый. Едут они из Дивеево, то ли паломники, то ли у Бога в услужении. А на крыше их воронья стая трапезу ведет. Глава семейства на поповский манер тянучим баритоном философствует о временах и здешних лесах — одинаково дремучих:

— Да, Матушка, то в здешних местах разбойничий люд всяко лиходейничал, чинил страх, и ни мещанин, ни паломник в дальние места святые не знали пощады от их алчных

кистень и ножей. А то дубравы, где, должно быть, Соловей-разбойник в засадах таился.

Монахиня поддерживала разговор неохотно, односложно, однако тон ее был леденящ, не в такт сезону, но под стать глазам.

— Верно глаголешь, Матушка, одной лишь верой Христовой жив честной люд, кабы не добродетельные сердца, смирением искупившие грехи предков наших, не бывать здесь мира, а покамест божья ладья...

— Тебя заело что ли?! — сбросил с себя капюшон третий, походивший на кроманьонца с иллюстрации, — да ты будто полоумный! Что нам больше поговорить не о чем больше? Да если ты продолжишь эту ахиною нести нас в два счета выкупят.

— Матушка, рассуди нас грешных.

Молодой в раздражении возвел глаза и руки к небу.

— Надо тебе, Прохор, было юродивым нарядиться, степенство тебе не к лицу, — Матушка холодна, ее губы по размерам не располагали к улыбке, не лицо, а гипсовый слепок, — благо от настоятельницы грамота есть, нас примут.

Молодой совсем заскучав:

— Дай водки, Матушка! — но матушкин взгляд, будто сквозь толщу Оки, отбил всякую охоту пытаться счастье дальше, в ее андрогинном лице присутствовала иконическая беспощадность.

Помимо вороньего пира на крыше везли они груз весь-

ма ценный, крест святой Февронии. И ныне везли они этот крест для воссоединения со святыми мощами. По легенде крест тот утоплен персоной во время сплавления по Оке. То, что это тот самый крест сомневаться не приходится, целительная сила и речи Прохора тому порука, а о том, что Прохор может витийствовать часами есть подтверждение в истории его болезни.

— Матушка, с вашего позволения я подкурю, — уже скручивал окно младший.

— Не свети коронками, — загробно повелевала Матушка.

Пришлось спрятать от нее спичку, чтобы та наконец заглась, сама сера боялась Матушку. Сама Матушка в цита-тах обойдет Прохора, она будто своими очами, куда бы не пал их взгляд, видит строки. Скучно с ними Яше, табак сырет у него от подобных бесед, где один сумасшедший, а второй и вовсе непонятно, что за человек. Где бы ни довелось им ночевать, в каких уединенных кельях, удостовериться, что Матушка не батюшка, Яша не смог. Не сказать, что он испытывал сомнения, в голосе ее все же различался звон стали, а не глухой чугуна. Не только ширококостность плеч, но некое гипнотическое укрощение в ее глазах, та сила запертая в них, отгоняла любопытство Яши, принуждая его бежать от их тайны, словно из темного леса. А Яша лишь бродячий музыкант, у которого отродясь и инструмента не было, а он мог играть на любом. И черт его взбаламутил насмехнуться над Матушкой, последняя предложила за сопровождение в

ее странном паломничестве награду серебром. Яше же нравился этот авантюрный маскарад, ночлег каждый раз в новых местах, а главное собственное преобразование, будто грехи с него соскакивали подобно вшам, коих раньше он имел в изобилии. С ними-то он и гастролировал от вокзала к вокзалу. После встречи с Матушкой они стали выпадать маковыми зернами. Со временем перестал он задавать Матушке вопросы отчего они ходят спирально по окрестным деревням и что ищут. Прохор повстречался им в одной из тех деревень, пав ниц перед ангелом, от которого у Яши стынет в жилах жизнь. Но еще ему жутче сбежать, скрыться от пары этих потусторонних фонарей. И вот добрались они к самому центру, ввинтились в город Муром.

Уже много после сочинялись легенды об их приходе, одна из них гласила, что эта троица сплавлялась плотом по Оке, и к муромским берегам прибилась прячась от самой Луны. Другая легенда гласила, что ехали они в повозке, запряженной костлявой клячей. Скорее та молва шла от аналогии с местным художником Азалием Христовоздвиженским, где скелет лошади тянет колесницу со старухой-чумой в черных тканях.

ПУГАЛО

Минул девятнадцатый год как Злат Змеед и Ясин Огнев достали свои жребии. Когда-то его звали Матвей, но имя это он уже не помнил, так как вот уже с девятнадцать лет его звали иначе, но облик свой он рисовал прежним, каким увидел его в последний раз. Летнее солнце пригревало лицо прекрасного юноши, сошедшего словно с венецианских портретов, его русые кудри, запечатанные молитвенным словом губы. Весь тот образ прошлого его кроток и смиренен, вверен Богу всем своим ликом, телом же он щеделушен от скромности пищи. Лежит он в капустных кочанах подставив лицо теплым лучам, пробивающим веки, и мерещится ему, будто сам Господь пред ним.

— Напился что ли?! — гонит его старушечий голос.

Нет, это где-то через два участка, едва шепнула бабка, она уже с десяток лет ведет беседу с покойным дедом, но Матвею с его острым слухом эта тихая вербальность ровно, что раскат грома. Еще Матвей имел крайне чувствительные нервы. Касаясь кочанов он ощущал колебания их роста, вызревания, как они, словно мячи, ширятся и вот-вот лопнут. Он слышит как взрослея хрустят их листы, точь-в-точь как при их поедании, он слышит их стоны, когда в них вгрызаются гусеницы. Матвей однозначно верил, что рожден именно в капустных грядках, для всех остальных пусть это будет юмор,

для него — быть. Слух о приезде в город уважаемой монахини, ее величают просто Матушка, донесся до Матвея еще из первых уст, такой острый у него слух. Матвею захотелось бы услышать ее благословение, ей он подарит самый ценный дар — самый крупный царь-овощ в его огородном царстве.

Прошло то время, когда он оборванцем просил милостыню у церковного приврата, ныне он сам несет к празднику своего младенца. Среди гомона паломников и птиц, среди летних толп и неумолчного колокольного призыва шел он в одежной черноте, влекомый чудом, сам влеча вороний грай. Страшен и огромен он был в грубом крестьянском кафтане, в берете из черной шерсти. Ныне его имя Пугало, уже как девятнадцать лет. Столь темная энергия бросала детей в непрерывный плач, скептиков обращала в догматиков, а верующих в убежденных. Шел он в лохмотьях, словно пень со дна реки, облаченный тиной, не шагая, а шаркая. Дерзкая ворона, отважившись на налет, прикочанилась на его даре, проворно отрывая от листа положенную удачей часть. На это у нее лишь миг, чтобы упорхнуть с тем, что зажала в клюве, что ей не полагается. Словно детвора в азарте перьерукие воры рискуют один за другим, более от панибратства иль забавы, нежели по нуждам. Резко дернулась доселе нерасторопная рука, в ладони заловчив и до хруста сжав незадачливого рискера, отпущенного из тисков уже не в небо живой птицей, а на землю кучей дохлого тряпья, будто оторвав от себя лоскут. Баржа двигалась дальше, утопший остался недвижим за

ее бортом, замерев в асфальтном течении. Кто мог видеть сие отвернулись, кто не видел тщетно искали взглядом отмотать назад, чтобы увидеть. Довольный собой, у налетчиков он отбил желание дербанить свою ношу, продолжая шествие.

— Господи Иисусе! Кирие элейсон! Нечистая сила! — прокатился общий ропот из сотен ропотков.

Он слышал их все, ибо слух его был царь-слух: «Должно быть, произошло что-то интересное, заставившее единодушно реагировать толпу». Его гигантская фигура текла свободно, ибо люди в боязни расступались перед сим пугающим. И в народной толкотне услышал тот голос, что совсем не изменился с тех самых дней, когда свет для него был в мириады раз ярче, нежели сейчас, когда Пугало пребывал в крошечной темноте:

— Там и салфеточки такие голубенькие, лебедями сложены, — райский щебет среди каркающего богомолья.

Ноты его не интересовали, важен сам инструмент, а настроен он великолепно, ровно как и девятнадцать лет назад. Когда к нему вновь вернулась мысль, а не подарить ли ей сердце, последнее замерло в страхе о подобном отторжении от тела, тогда-то и произошла трагедия. Тех секунд мечтательного замешательства хватило, чтобы предательский кочан спрыгнул с ладони, треснул где-то внизу и взбелененный, будто живой, ломанулся прочь под откос. Оголтелое воронье ринулось к земле за добычей, в пылу погони влетая клювами в асфальтные толщи, в подолы длинных юбок, бор-

туясь крылами и все как-то неудачно, вдруг выпустив злощастный кочан из виду.

Сатанел рыскавший вокруг себя распластавшийся сгусток черной материи, демон о десяти хвостах. Он хватал бесплотно воздух, шарил расставленными пятернями, кружился, пришли в движение его уши, острые как сам его слух, и водил наточенным носом, будто выструганным рубанком. Зарычал истошно сквозь зубы ужасный Пугал, все его лицо сотрясла ярость, лишь глаза его покойно запечатаны веками. Веками на века, но нет, от столь отчаянного гнева вскинул он занавеси своих глаз, коих не открывал девятнадцать лет. И, о, ужас! Вместо двух ледяных озер окружающим открылись две выжженных пещеры, выпустившие двух перепуганных тварей, вылетевших плетеными виражами и в беспамятстве от солнца, пространства и головокружительного полета агонично потерялись в летнем городе. Так Пугало бесплодно мычало, пока не вымычало все свое горе, затем пальцы его удосужились проверить глазницы и водрузить засовы на место.

Вернемся к праздничному столпотворению по случаю приезда Матушки. Увечные от огня святого Антония смердили напоказ своими опаленными до углей конечностями. Выпитое ими и жаркий полдень в примерно одинаковой градусности разморило их, и они приобрели более страждующий вид, соответствующий просящему подаяния. Они уже не пытались возражать, жалиться или выпрашивать, когда на

них указывали как на разгневавших Бога грешников, ведь все знают, что просто так по частям не гниют.

Здесь же шествуют прокаженные, целиком укрытые тканью вплоть до лиц, где поблескивают в разрезах глаза за сеткой, полные ненависти и порока, разумеется. Судя по комплекции и нарядам можно определить двоих мужчин, одетых в черный и белый цвета, и отличная от шахматных цветов нежно-розовая бурка. Должно быть, совсем молодая девушка, но уже жена белому ферзю.

Тут же и татары, среди них женщины, закутаны до пят, не путать с прокаженными, пахнут они долгим конным переходом. Жару влечет их сугубо черный цвет и остроносые сапоги.

Трое выглядели смурно, такие здоровые деревенские парни на парном молоке или городские спортсмены на стероидах. Один совсем уж бритый альбинос с короткой шеей, второй чернявый в прозрачных очках, а третий русский, местами рыж. Уши у троицы были будто больше обычных, даже если брать во внимание, что и сами они были больше обычных, и уши те все кромсанные, будто картофельные листья, поеденные колорадским жуком, только по краям. Молодчики разбойничьего вида, определенно с окрестных деревень, приехали на промысел.

Плясала в конце улицы Цым-Цура в холщовом мешке, вечно юный, веселый и голодный хищник. Уже наученные страшилками мужчины чурались ее, а новый агрессивный

менеджмент ухватов за гульфы оцепенял ужасом. Жены героически отбивали своих мужей, побледневших от страха и стыда. Цым-Цура переключилась на грешный от рождения пол, рассчитывая хоть среди этой невкусной снеди добыть себе пропитание. Монахини, куртизанки и цыганки остались непреклонны, но иная сердобольная паломница все же по-падалась на ее уловки. Что ж, остается надеяться, что Цым-Цура, хилая сиротка, сменила тактику и бедная прихожанка обрела адскую муку благодаря добродетели, а не ее отсутствию.

— Скоро наш Царь придет! — злобно ликовала Цым-Цура, ожидая своего Царя, чье имя также начиналось с Ц.

Пришел Пугало к Матушке, зол, взволнован, не только слова вымолвить не может, ибо не имеет языка, ворон-альбинос за него гогочет, но Пугал и сам не понимает, что ему от Матушки надобно. Ворону он шепчет, да птица-толмач не поспевает, что требуется юродивому. Тут Пугало перевел вроде дыхание, прикинул и нашептал ворону, уже спокойнее, клацая и щелкая ртом. Ворон чуть раздумал, как ему перевести мысль и гаркнул:

— Месть!

Тогда Матушка прикрыла очи, столь сосредоточено, где прочла на веках:

— Ясин Огнев, Злат Змеед, Лев Дубов.

ОХОТНИК

В муромском тире мне всегда мешало промедление. Не подумайте, что я застывал как вкопанный. Мне не хватало доли секунды, чтобы потушить этот загоревшийся огонек: зверя в зимнем лесу. Я предполагаю, что к этим огонькам я питаю жалость, да-да, у меня успевала промелькнуть мысль, когда я целился; вот он напуганный, но глупый заяц, думает быстрее у него получится пробежать напрямки через опушку, вот он как на ладони, вне укрытия, не ведая такого хищника, от которого бегством не спастись. А вот загорелась красавица лиса, роковая самка, по-прежнему хитра, но безоружна, и ведать не ведает ее хитрость, что нет ей применения в столь неумолимый час, когда на целике ее красная шуба. И вот в следующем кадре эта краса лежит в окрашенном сугробе с изуродованной мордой, еще дыша, как дышал еще заяц с перебитым хребтом, еще толкают его лапы уже другую плоскость, и все же он царапает снег, хочет за него зацепиться, и верят в то его глаза, что это лишь нелепая пробуксовка, а не последнее зажигание.

Так падает статный олень в последнем своем изяществе, какая досадная дробина, косточка от вишни и того больше. И знать не знает он, что за враг такой этот человек, который так ненавидит оленя за порхающий аллюр. В последнем вздохе он ищет ответ, и не находит, вместо ярости врага лицезрев

радость.

И одинокий медведь, так ошибочно вписанный в зимний пейзаж, но тоже беспомощный, тоже перепуган и подстрелен, удовольствие то не чета заячьей агонии.

ЯСИН ОГНЕВ

В это время в Кузнецях состоялась презентация гравитоновых часов, так же как и месяцами ранее там презентовались: индуктор на неодимовых магнитах, неоновая флуоресцентная подсветка бассейнов и ванн, сенсорные гитары разных размеров. Среди пустующих деревень, покинутых и покосившихся домов, поросших бурьяном дворов, доживавших свой век стариков эквилибрировал Ясин Огнев на острых гранях совершенства торгового ремесла, ораторствуя средь полуденного зноя в накрахмаленном воротнике безукоризненной белизны. Ныне под аккомпанемент кузнечиков, не сенсорных гитар, но тоже струнных инструментов, в аромате трав и видах буколического упадка ослепительно вещал он о своем товаре. Так он двигался коробейником по спирали, от деревни к деревне, каждое лето возобновляя циклы с новинками. В своем ремесле он пробовал и косметику, и саженцы, и садовых гномов. Столь устаревший способ маркетинга приносил ему доход лишь благодаря его представительности, где нужные пропорции соблюдены обаянием, сдержанностью и риторическим мастерством. Он верил, что на излете дня он не останется без заработка, по тому же принципу, что зажженная свеча не может не догореть. Он любил свое ремесло, верил в избранность, иначе бы был бакалейщиком.

Пейзажи в лучшем жанре русской смерти, он вступал на ее тропы как пришлец из будущего. В прошлом месяце он продал пастуху телескоп, в самом деле, как нельзя лучшее приобретение для пастуха. Он даже чуть было не сделал старому дураку подарок, так ему хотелось это сочетание пастуха и телескопа вытащить из вселенной воображения в земную вещественность. Антигравитационный увлажнитель пропускал воду из бочки через фильтр выпускал рой пузырьков на поверхность, эти водяные шарики клевали куры, лопали коты, сотни маленьких гидросфер поили скот, поливали огород, и редкий мечтатель среди них, угадав с балансировкой, улетал вдаль. Пневмо-плуг, без тягловой силы рыхлит земляной пласт. Разные виды холодильных камер, печей ультраволновой прожарки и множество футуристической ереси, полезной в хозяйстве, без которой обходился деревенский люд всю свою крестьянскую жизнь, ныне превращавшуюся в сказку. Множество безделиц типа дистанционных светодиодов и лазерных выжигалок, как прикосновение к прекрасному. Генераторы на разнообразных источниках питания, беспроводная иллюминация, чудеса приходят к вам в гости, менеджер по продажам Ясин Огнев.

Ясин Огнев имел обыкновение по ночам выходить в лес, держа при себе маленькую дудочку. Ничего более, способного усилить восприятие ночной природы и чистого искусства, он не брал с собой. В его втором кармане лежали разве что спички. Сложив сосновые шишки, сухие иголки и прочее,

годное гореть, зажег единое, лениво затлел костерок. Огонь не взялся, лишь показалась маленькая щель иного мира, еще не разлипшееся ото сна, но уже любопытствующее красное око. Ясин Огнев начал мелодию, в сущности напоминающую ветерок, который подхватил огниво в танец, и из тлевших хворостин вырос маленький силуэт из огня и ночи, размером с сыроежку, да так и плясал, куда ступая зажигал новых танцоров, не смевших ни расти, ни тухнуть. В один момент огоньков размножилось столько, что стало трудно за ними уследить. Огоньки, взявшись за руки, собрались в корону хоровода, протанцевав так с несколько кругов. Затем огонек-породитель стал поглощать их одного за другим, огоньки сливались, прирастали, пока наконец не выросли в пламенного гренадера. Лишь тогда музыка оборвалась, пламень стал таять, в его бесформенной стихии проступала гримаса мольбы вполне человеческого лика. Она последняя и утонула в колодце ночи.

ЧИЛА

Я приехал в Муром в те солнечные недели, уж нет того укропа, петрушки и редиса на выемке, да и на южном рынке торговля уже не та, менее разговорчивая. И кого я вижу: болезненная Рамира суеверно крестит меня, она и впрямь как монашка в разноцветном тряпье, так трепещет она перед жизнью, не смея найти в ней для себя радости. Ну и конечно же она оторопело и жалобно воскликнула волшебный перебор:

— Чила! Ты смотри сюда! — туда, где стоял я.

— Кирие элейсон! Белый Кот, зачем ты приехал? — Чила непоправимо поседела.

Та же фигура, тот же фасон спортивного костюма и кожа цвета речного песка. Голос ее проявлял небывалую сиплость, комбинируя с прежней молодой вибрацией. А зубы по-жемчужному белы, недовольны и хмуры брови, ранее царственно-умиротворенны, ныне в глазах поселилась рассеянная тревога. Но все же лицо сохранило прежнее очарование. В сущности какая-то душевная перемена только и накручивала ей лета, волосы же накручивали зимы. Тело ее сохраняло завидное упругество, не став тягучим ни на сантиметр.

И пусть с годами мы стали трусливее, озираясь по сторонам, я смог в этом поспехе вспомнить былую прелесть, наде-

юсь и она смогла. С детства я относил Чиле карманные гроши за минуты прикосновения к ее телу, будь то ее ягодицы или груди. Я никогда не видел ее лица при нашем странном ритуале, мое же расправилось в безмятежном покое, близкое к благодати, будто я снял рюкзак, который носил все эти годы. Меня накрыла сентиментальная блажь и я прильнул губами, и уж не останавливался, а она не противилась, верно и впрямь постарела та кобылица, что несла ее строптивую душу. Прежняя Чила влепила бы мне один из тех утюгов, что я затем вспоминал сладостно долгие годы. Чила нынешняя понимающе гладила мою голову. Сеанс продолжался дольше обычного, мы оба понимали, что он последний, она не торопила меня. Закончив с ягодицами я принялся за грудь, мне хотелось бы заглянуть ей в лицо, ранее я не удосуживался этого сделать, слишком погруженный в скорый процесс. На каждое удовольствие у меня было по минуте времени. И если в самый первый раз минута была обманчиво-урезанной, то впоследствии любопытно и соблаговолительно растягивалась. Не желая остановить баюкавшую ладонь я так и не увидел ее глаз, но они уж точно не смотрели на время.

ПРОРОЧЕСТВО О ЦАРЕ

Снизойдет Царь, правление его, установленное звездными светилами, подошло к концу, истекли девять тысяч лет земных. Пришло время нового Царя, но и здесь астрологи пребывают в замешательстве. Царя, чье правление подошло к концу, сменяет новый. Не думай человек, что это сулит тебе преференции, ибо старый Царь был человеколюбец, именно он предрек то развитие, то единение вида, что наблюдаем мы в обилии. Царь был сторонником любви, покровительствовал созиданию и точности наук. Внешне он сам был подобен человеку, точнее сказать двоим людям, ибо представлял собой единство двух сросшихся близнецов, такмо правил миром не Царь, а Цари. Две головы с одним могучим телом. Не хватило им третьей, чтобы устроить истинный рай прогресса. Немного не дотянули Цари до богов, чего не хватило им, чтобы править вечно, нам знать не дано; то ли квантовую запутанность так и не разрешили, то ли космос не освоили, но необходимый грааль не заполучили в отведенный временем легитимный срок. А ведь от предыдущего Царя, большого почитателя солнца, им достались такие восхитительные обсерватории, уцелевшие после катаклизмов. Сейчас оба Царя с начала правления совещались, что оставить своему преемнику. Цивилизацию развитого прогресса или постураганную выжженную пустошь, какая досталась

им? О чем просить богов? Они знают, кто займет их место на престоле, достаточно имея времени для за и против. Плачь, о, Человек, что столь великодушным владыкам не удалось сменить свои короны на нимбы, они сходят со своего удобного трона в небытие. Что до преемников, тут сложно, путаница в звездном чтении. Оттого, что в последнем тысячелетии в астрологи шли шарлатаны и дилетанты, в количестве сравнимом с самими звездами, а всех значимых профессий поглотила инквизиция или масоны. Знаменитый доктор Нострадамус и еще пару мастеров смогли-таки разрешить вопрос о престолонаследии.

Сложны космогонические транскрипции, из земных языков лишь в санскрите упомянуты имена Царей небесных, и то все ребусами и загадками. Потому попытки переводчиков имеют более творческий подход.

НА ЛЬВА ТОЛСТОГО

В кабаке на Льва Толстого был вечер живописи, художник Фамфир Феофилактон попросил вести всех как можно естественнее.

Двое горячились, один с опаленными усами на немецком, видать опился в конец бедняга, а второй рассказывал:

— А я хватаю за хвост эту змеюку, подымаю значит, подымаю стакан, ну, говорю, с Покровом, опрокидываю стакан и закусываю гадом, как пить дать, откусил ей голову и показываю им всем большой палец, жуя с хрустом.

К ним подсаживается Золотник, будто сбитый боевой гном, стал расспрашивать немца о чем-то, да только и слышно:

— Wechsel¹ (нем.), понимаешь? — когда-то давно Золотнику вручил подложный вексель иностранец.

С тех самых пор Золотник не имеет дела ни с векселями, ни с иностранцами. Их столик на троих находится на удалении, а то бы их массивные, не самые интересные в тот вечер фигуры заняли бы весь обзор. Пунцово лицо Золотника да борода седа, пытается он объяснить своими хапужными пятернями, будто рассказывает охотничью историю. Немец вынужден удивленно глазеть из-под своего пенсне, от

¹ Вексель

толчеи стекла его запотели. Его собутыльник примирительным шлагбаумом выставляет нестройную руку, будто проводя границу исторических фронтов.

— А вот смотрите в Муромском Борщевике пишут презавнейший гороскоп. Овен, немедленно покайтесь и причаститесь, ибо грядет возмездие. Дева, предстоит встреча с василиском, постарайтесь оборотить. Козерог, остерегайтесь походов в лес в ночное время. Близнецы, в Видеоомене постарайтесь приобрести товар по скидке. Какая интересная опечатка Видеоомен вместо Видеообмена, видимо суеверия плотно в башке засели.

— В кроссвордах сплошные армагеддоны и апокалипсисы.

— А в чем отличие?

— Смотри, апокалипсис общее название даты, вот, мол, конец света ожидается с 7 сентября по 7 декабря и точка.

— Всего три месяца? Ерунда!

— Да я же образно, глупый ты человек! А вот и он: конец света (библ.). А вот и армагеддон теперь: огненный метеоритный дождь при апокалипсисе.

— Тошнит уже от страшилок! Венис, давай фельетоны читай.

За вечер несколько раз прерывали работу художника. Зашли в военной форме молодчики, всего пять человек: один на костылях без ноги, второй с пустым рукавом, и будто один за второго придерживается, а второй первого подпирал.

ет. Остальные с виду целехонькие, пятый вообще женщина, дородна, средних лет, с крестом на рукаве, подстрижена коротко:

— Вы патриоты? — грозно спросила она, вид у них был решителен, кроме калек, они держались поодаль и хотели выпить.

— А то как же! — кричали хмельные мы.

— Поставьте подпись здесь, и здесь. Здесь поставьте крестик, и здесь крестик. А здесь галочку. Сюда пожертвования, — указала она на деревянный куб с прорезью.

Сделан был ящик на редкость хитро, по щели было понятно, что пролезет туда разве что купюра. Но Золотник старый воин, он смазал монетку селедочными пальцами и ударом кулака вбил в щель.

Дама скептически хмыкнула, одарив нас презрением, но, слава Богу, лишив своего присутствия. Втроем они вышли из кабака, двое увечных решили остаться.

Затем зашла иная процессия:

— Вы верите в Бога?

— А то как же! — спешно мы стали доставать паспорта.

И здесь нас ждал деревянный куб. Пожилые женщины в рясах удалились. Но и это было еще не все.

— Голосуем, граждане! За кого голосуем?

— Водки выпить не дают, совсем с ума посходили!

— Золотник, а ты за коммунистов небось? На партийные нужды золото припрятал?

— Я за царя! У меня все в рублях!

— Здесь все за царя! А у нас и рублей нет!

— Граждане, мы пока предварительно за депутатов голосуем. Есть и либералы.

— Кстати о Царе. Я за оленя голосую.

— Э, да ты подумай получше, при олене ты дровишек не порубишь, зверя не постреляешь.

— То ли дело чародей.

— А за мертвую птицу не хотите? Веселей будет! Пусть и недолго!

— Давай дальше читай, Венис!

— По предварительным прогнозам олень первый, чародей второй, мертвая птица на третьем месте, но сокращает отставание от чародея.

— Да как это возможно? Совсем что ли жить не хотят?

— А я вчера за мертвую птицу голосовал смеху ради!

— И я за мертвую птицу голосовал!

— Да что вы эту чепуху читаете, читайте лучше звезды, там больше инфы.

— Кто вообще брехню такую пишет, будто это голосование? Это не голосование.

— Не голосование. Только мертвому Царю уже поклоняются.

— Кто?! Кто?!

— Да вон в катакомбах, что не тупик сплошь объединенные

трупы.

— Да ну?!

— Да, наши православные детективы накрыли, а там на них с цепями бросились. С девки живьем шкуру сняли и пляшут в ней, сплошь кровью перемазанные.

Мы перекрестились:

— Дальше читай!

— На неделе шабаш в муромском районе, точное местоположение будет сообщено приглашенным позднее.

— Ответная акция! Молодцы девчонки!

— Ожидается прилет Гелиастерума! Ого, почетный гость!

— Старина Гелиастерум!

— Ага. Опять бастардам Царя рекомендовано уехать из района, а молодым девам не покидать своих квартир ночью. А вот и жалоба: оборотень шарит по Вербовскому кладбищу и грызет чернокнижниц. Аноним. P.S. Просим принять меры.

— До жалоб докатились! Дальше читай!

— Наш пианист-виртуоз Эрих Теодор Филипп Бернхард Шлангенфрессер дает представление в Японии в рамках мирового турне близ леса Курушими. Лес знаменит чередой мистических убийств от змеи-оборотня. Змея серебрится в ночи, держит в страхе все деревни вокруг леса Курушими.

— Рисковый пианист. Он потом в Вене учился. Забыл уже как его у нас звали.

— Сам себе реквием не сыграешь, никто не сыграет.

Золотник беседовал уже с рыжим за соседним столиком:

— А коли я позолоту с тарелок всю соскребу, можно ли ее потом через твой аппарат прогнать?

— Это можно устроить, только вместо обычного магнита используем философский.

Золотник заблестел глазами, уже не водка пьянила его:

«С прежних пор давным-давно,

Влечет меня златое дно,

Коли как найти мне клад,

Без дьяволу души в заклад?»

Я, дядя Леша, Хохотун, в тот промозглый вечер были за одним столом.

— Сало я натру чесночком, посыплю я сало пэ-э-э-рчиком! — распевал Хохотун.

Вы не увидите этот его ритуал, потому как Хохотун обращен спиной ко входу, но вам наверняка бросится в глаза его лысина откиннутая назад, что бликом своим искривляет пространство. Фамфир Феофилактов ради этой лысины и разместил Хохотуна спиной ко входу.

Дядя Леша, брат моего дед, рассказывал о случае, когда к нему явился заинтересованный корреспондент, настаивая на интервью. Тогда-то журналист и расспросил дядю Лешу о его семье, о том как все семь братьев выбились в люди, прилагались фотографии и газетная статья. На самом деле

все семеро, включая моего деда, обычные пролетарии, да и заинтересован журналюга был в оплате от дяди Леша, и что там наговорит последний первого не волновало вовсе.

Дядя Леша предусмотрительно взял из дома вареных яиц, ими-то мы и закусили, разрезав вдоль, капнув майонеза и положив поверх зеленого лучка. Собственно и художника этого пригласил дядя Леша, более коммуникабельная и жизнерадостная модель Садкова, опытный организатор свадеб и оратор похоронных речей. Вид его, несмотря на возраст, был гротесктен, стариковские собранность и серьезность не вызывают насмешки, в его портрете общие фамильные черты. Сосредоточенные глаза фамильным мраком устремлены в одну точку меж полом и стеной — будто на ту сторону, а ладони собраны в траурный замок. Эту свою коронную позу дядя Леша и заимствовал с поминоков. И чтобы не выпасть из образа начал разговор о моем деде. Говорил он не так, как обычно банально поминают на телевидении актеров — удивительный человек и мастер своего дела.

Я помню ту речь на поминках, где дядя Леша, рассказав вступительную часть, перешел к личному, и закончил глубоким. Приведу тезисы:

— Терзаемый долгой болезнью... относясь к смерти с легкостью... в конце жизни он все же пришел к Богу, и тот принял его.

Дядя Леша сказал замечательные слова, но хотел добавить что-то еще, это не было недоговоренным сценичеством, что-

то более важное, о чем сомневался уже присев за стол. Рюмка, вторая, а дядя Леша все не выходил из образа, ведя внутренний разговор.

Я в картине получился более в профиль, но напряженный желвак мне польстил, приятная четкость линии. Я думал получится более смазано, ведь я либо все время что-то жевал, либо читал газету вслух.

В этот момент из серого дождя в нашу цветную трапезу ворвалась Чила, она схватила у меня граненый стакан, так по-волево, будто имела на него полное право, и не на него одного, следом схватила бутылку, налила себе еще и вновь махнула, выхватив из моих податливых рук яйцо. Теперь торпливо прожевывая эффектное вступление она готова была приступить к самой сути. Завоевав внимание троих холостяков из разных поколений, вклинилась в столик действующим лицом, а не просто проблемой с улицы.

— Волнуюсь перед шабашом, — пояснила Чила, — а еще цирк приехал.

Она и рассказала, как встретилась со своей дорогой подругой Диларой. Последний раз они виделись еще молодыми девчонками. Ныне же красавицу Чилу изрядно тронула седина, а колдунью Дилару обволокла полнота, к которой она всегда была склонна. Дилара была с незнакомкой, которая Чилу сразу оттолкнула. Эти ее пестрые шелка, эта высоко-родная манера держаться: «Мадам Иури приехала к нам на шабаш, — пояснила Дилара, — ты пойдешь?».

Я позировал полноправно обняв Чилу за талию, а этот мерзавец, живописец, перенес ее в другой угол картины, где этот рыжий наглец коробейник показывает ей диковинную неразличимую штуковину. А вся фигура Чилы, ну не импрессионизм, а чистый пин-ап, красное платье, еще бы цветок ей на голову посадил. Чила отродясь в черном спортивном костюме ходила. А лицо ее — кокетливая негa; и чем этот рыжий лучше меня оказался?

Здесь же сидит и местный богатей, Лев Дубов, он-то и разговаривал с рыжим коробейником. Вот за что стоит похвалить Фамфира Феофилактова, так за эти ярковыраженные подбородки, за это выпяченное брюхо, кривящее пространство похлеще хохотунской лысины. И этот жующий и застывший в болтовне набитый рот, так буржуазно высмеян был Лев Дубов.

Лев Дубов сделал состояние на том, что искал коряги на дне болот. Кто же знал, что за это кто-то платит. Мореный дуб, слышали? Из него дорогостоящую мебель делают. Даже у нас на Фанерном. Да-да. Знаете кто делает? Фирма Льва Дубова. А знаете где продает? В магазине Льва Дубова. А знаете, кто покупает? Ресторан Льва Дубова. А в ресторане том знаете кто потчует? Конечно партнеры Льва Дубова, которые совместно с ним ищут по болотам и затем достают мореный дуб.

Вот подозревали Льва Дубова к себе опальные студенты, эсеры в поднятых воротниках, пряча губы что-то шепчут, да

вышептать не могут. Отсыпать денежек просят, а дабы больше отсыпал и нашептать надо больше.

На переднем плане уж совсем швальная публика, там местный завсегдатай Митюша Иванов, бывший сварщик с ЖБИ, рассказывает про штуковины, которые он там наваривал лет с двадцать назад, как помотала его жизнь по работам, эта же жизнь и лишила его последних. Вот он, толстый и упитый, своим хрюком он влазит в живопись будто пьяница заваливается на диван, прорвав полотно. Здесь же и баба подстать ему, ее беззубый рот выставлен напоказ в острокопечной улыбке. Не знаю ее имени, все ее называют супругой сантехника Струпьева. Рядом с ними слесарь с Фанерного, его зубы все на месте, однако черны как ночь. Уж не знаю, какие краски использовал Фамфир Феофилактов, чтобы нарисовать этих мазутных чертей, но те зубы самый темный объект на картине, однако имеющий свои очертания, с пустым ртом супруги сантехника Струпьева их никак не спутать. С ними же за одним столом расположился брюхатый Пантелеич, бывший навашинский участковый, поглядывает на часы, ждет своей электрички, вот уже он грузно готов приподняться, шевелятся в дыхании усы, натянуты его брюки в ягодницах. Слышно, как просит о пощаде стул под ним. Стоит отметить, столик тот, привносит на картину самобытную ауру средневековой черни.

— Может стоит пересечь? — поинтересовался я у Фамфира Феофилактова.

Но экспрессивная рука мастера велела остаться на своих местах. Увы, та рука была не в силах сдержать появление случайных гостей:

— Ради Бога, къянкс² (арм.), я сейчас кофэ выпью и буду у тебя! Какие проблемы? — крутил четки таксист Гагик.

Вприпрыжку забежал молодчик с битой наперевес, э, да я его знаю, это сосед Даши по коммуналке. Не помню как его звали. Вовка? Виталик? Кого это он ищет, а, черт, меня. и попросил дать ему позвонить по телефону, его собственный разрядился, хотя я пребывал в сомнениях, что у Виталика собственный имелся. Он не раз стучался в дашину комнату с подобной просьбой в самый неудобный момент. Теперь он звонит кому-то с моего телефона, при этом он бесцеремонно хлебнул из моей стопки водки:

— Захар, подмени меня в котельной назавтра. Сочтемся.

— Да ты постоянно просишь, Виталик, ни разу не сочи.. не сосчита... сочтались... Я завтра на колесо обозрения с утра до вечера..., — и так далее, пока наконец не послышалось, — последний раз.

Здесь представлен укороченный вариант разговора, на деле же, он мне обошелся в еще две стопки водки.

Всех заблудших неколоритных персонажей, не пускал в свою картину автор. А вот и заходят две проститутки, неотличимы как две сестры, Манька и Гастелла, обе в черном, обе низкорослы:

² Душа моя

— Гагик, добрось нас...

— Сколько можно, Гагик добрось...

— Там дождь...

— Гагик помоги...

Дядя Леша уже зазывал их для тоста.

— Дядя Леш, уймись, это проститутки, — шепнул я ему,

— ни за каких мы прекрасных дам тут пить не будем.

Кадр еще не перелестнулся, но его уже предвосхитил запах рыбы, возвещающая появление рыбачки Ларисы. Молдаванку Ларису так прозвали за профессиональный шлейф. Ее присутствие в чапке означало, что все находящееся на вашем столе непременно будет отдавать рыбным привкусом. Под столь сильным впечатлением Фамфир Феофилактов всем положил на блюда, насадил на вилки и заставил жевать хвосты, плавники и головы речной снеди. У Ларисы же в одежде легко различить особую чешуйную манеру стежков.

— Фу! Рыбачка пришла!

— Та я мылась!

На картине молдаванка Лариса с понурыми плечами, но с вызовом бросает взгляд в приглушенную светом залу.

В этот момент вкатилось инвалидное кресло в наш набитый битком поезд до станции пьяный угар, с трудом протискиваясь меж стульев и столов подвезли калеку к свободному месту.

Что уж там нашептывал дед своему водителю, в чьем образе угадывался задармовой случайный собутыльник, я слы-

шать не мог. Но за то недолгое время, что они пребывали в чапке, водитель, коим был местный пьянчуга Комар, напил-ся так, что уже сам стоять не мог, инвалиду пришлось вы-возить его на своих колесах. Столь комичный эпизод Фам-фир Феофилактов добавил в самый нижний край полотна. Суровый и напряженный взгляд старика, на его коленях ле-жит поперек обмякшее тело. Рот инвалида обременил до-садный проигрыш. С этим выражением и покинул чапок на Льва Толстого под всеобщий хохот и скрип колес старый ка-лека. Только разглядев полотно я заметил, что левый глаз у старика один сплошной блик.

— Нашел кого поить!

— Комару только понюхать дай на старые дрожжи!

В следующий момент публика оборвала смех. В чапок на Льва Толстого вошла она: нет, не неописуемой красоты дева, нет, не отвратительного вида уродина, а ничем не приметная женщина средних лет. Сложно сказать, чем ее вид насрал на всех тишину, была в нем некая благообразность.

— Что Вы здесь забыли?

Застыв в ответ, словно действительно что-то вспоминая, эта рыхлая в теле, довольно неприглядная дама, коей по ви-ду слегка за пятьдесят, ежилась от столь пристального вни-мания:

— Я бы хотела, извините...

Фамфир Феофилактов потерял терпение:

— Женщина, либо Вы заказываете себе выпить, либо я

Вам сейчас подрисую ангельские крылья!

Это сдвинуло посетительницу с места «да, да». Когда она присела возле нас я смог разгадать ее секрет своим обонянием. Аромат свежих цветов перебивал рыбную вонь.

И вот уже вечер вновь снят с паузы, как вдруг вновь тишина:

— Добрейший вечерочек, граждане и гражданочки, — вошел Лаврентич бодрясь смешком.

— Привет, Лаврентич, — одиноко в ответ.

Всем стало ясно, прежнему разговору сегодня уже не быть. На полотно Лаврентич тоже попал, но лишь в виде заговорщической тени, отбрасываемой с порога.

И да, из советского чапка на Льва Толстого Фамфир Феофилактов перенес действие в римские чертоги, костюмированно и помпезно.

— Пацаны, там на площадь гробы привезли! Там Ленька Петрик, Санек Дериглаз, погнали смотреть! — ворвался в чапок на Льва Толстого экий зазывала.

Тоже развлечение, мы выпили по последней и тоже пошли смотреть покойников.

Так наш разговор плавно перетек на тему проклятий.

ПРОКЛЯТИЯ

Вспомним старые муромские легенды о проклятиях. Вспомним, как с другого берега Оки занялась заря пожара. Словно стена на многие версты вширь раскинулась она, не ухватить глазу. И всепожирающий вал заставлял людей с полыхавшего берега бросаться в Оку. Частоколы служили спасавшимся плотами. Армагеддон сомкнулся с речной кромкой. Зрители с муромского берега и участники на окской стремнине замерли в ужасе. Но обошлось, адово пламя на водную гладь ступить не смело. Тем, кому посчастливилось грести, а не гореть, делали это к муромским пристаням. Вопли тех, кому не посчастливилось спастись, гнали их без устали сквозь быстрое течение. Наконец желанный муромский берег, но ропщущий и осеняемый крестами он поднял руку, одну единственную ладонь. Изготовились луки, устремленные в ночную реку.

— Стойте, где гребете! — повелел князь Мстислав.

— Княже, не стоим мы, а барахтаемся. Не дай сгинуть в пучине речной, дай к берегу спасительному примкнуть!

Не колебался ни мгновения князь:

— Вас покарал Господь, а вы еще хотите на наши головы жерло адово обрушить! Во веки вечные не пристать вам к муромскому берегу, нечестивцы! Прокляты вы и вечно скитаться вам в темных водах. Не пущать их никого!

Стрелы пронзали ночь, те из проклятых, кто не принял судьбы, гребли к берегу наперекор княжескому наказу. Они же, пораненные, взывали к милосердию. Но князь остался непреклонен, его решимость поддержал и епископ:

— Дьявол коварен, княже, ему угодны любые обличья.

Вы наверняка видели этот портрет: водянистые глаза Мстислава, мешается в них речная синева с ярким огнем. Никакого безумия, лишь праведная отвага. Будто Вотан командует он стоячим войском. Одной единственной ладонью преграждая путь самому легиону. Тонет фокус на уровне мстиславова плеча, где лицо епископа переходит из краски в тень.

Ни у кого не возникло сомнений, что Господь неспроста покарал сие племя, просто так огненные валы не насылаются. И вот уже женщины, дети и старики кидали рвенно камни в тех же детей, женщин и стариков, погрязших в грехе и обреченных отмываться от него в быстрых водах, доколе не получат прощение и разрешения примкнуть. С тех пор раз в год в ту страшную августовскую ночь пытаются прибиться они к муромскому берегу, вечные странники. И каждый раз эти призраки, их худосочные руки, их изможденные лица молят о милосердии, когда должны молить о прощении.

Много нечестивых сплавлялось тогда по Оке.

— К берегу! К берегу все! — раздается тревожный клич в ночи.

И стар, и млад, и мужи, и девы сотен факелов выходили на берег, озаряя, вытягиваясь вдоль речного полога. Их лица полны решимости, а краски огня вытесняют страх в тень. На баркасах плыли разбойники, вглядываясь в береговые лики, этакий бракераж отваги, чуть заметно кивая, уже без угрозы. Первые баркасы уже шли мимо. Еще какое-то время тревожились минуты, не слабла готовность, пока слышны были весла, и только когда затерялись в речном просторе паруса крикнули расход, Впрочем, не так громко.

Есть еще одна легенда о проклятых Царем. Слишком древняя, чтобы иметь какие-либо подробности, слишком темная, чтобы быть писаной в цвете. То племя, что копало древнее капище низвергнуто в толщи земные. Якобы живо оно до сих пор и ждет своего часа под древним Муромом. Ждет своего спасителя, что выведет их вновь под звездное небо.

Покойник всегда хочет, чтобы о нем рассказали. Расскажем же о Гелиастеруме, чья голова отделилась от тела еще когда Муром был укрыт в тенетах большого леса, исполненный вечных сумерек. Тогда-то двуглавый Царь и казнил чародея Гелиастерума, срубив его изобретательную на черную магию голову. Чем Гелиастерум разгневал Царя о двух головах, что последний ступил на землю ради сей казни, не осталось в летописях. Однако Гелиастерум, как и все колдуны

древности, не чета нынешним шарлатанам, был могущественен, а голова его, кладезь знаний, чернее самой беззвездной ночи, имело могущество особое, позволяющее ей ночь в тринадцать с половиной лет возвращаться в мир с единственной целью, мстить потомкам своего казнителя, коих последний наплодил на земле в великом множестве. Конечно в первые тысячелетия своего правления Царь был неудержим, на посадку семян и на казни врагов, так и являлся он в мир начинать и карать. По легенде приспешники Гелиастерума спрятали его голову в капустных листьях и, под видом кочана, унесли прочь от гневного Царя.

С тех пор раз в тринадцать с половиной лет, когда звезда Гелиастерум появляется над Муромом, колдун Гелиастерум является в мир на отведенном ему ареоле мщения. Можно наблюдать его голову в ночном небе, оставляющей дымчатые пары, стоило голове замереть на месте, и газовое облако окутывало ее, пропуская во внешний мир лишь два прожекторных глаза. Голова Гелиастерума отнюдь не напоминала коптящий мяч, это был летающий дизельный лифт, столь огромна она. Видимо в какой-то момент с ней случался экстренный рост. В остальном Гелиастерум располагал довольно человеческими чертами. Черная кожа, не кожа вовсе, а маска самой тьмы, уши более похожат на крыла летучей мыши, а власы будто черные крысиные хвосты, толстые и частые, словно осочные заросли. И лишь когда поднимались его веки, проступал блеклый свет других миров. Если взглядеться в

них, чего делать определенно не рекомендовано, можно различить элементы глаза человеческого строения: зрак, белок, даже слезник. И все они единого света блеклого Гелиастерума.

ЯСИН ОГНЕВ И ЗЛАТ ЗМЕЕЕД

Ясин Огнев с детства предопределил свою карту, облик его полагал пламени безоговорочно повиноваться своему святому. Кровь матери так и осталась на его новорожденных волосах, навсегда сделав их рудыми, но полученный дар придал им яркость раскаленного металла, посеяв на бледном лице веснушчатые искры.

Злат Змееед тоже имел врожденную печать дьявола, так один его глаз служил обителью ангелам, будь то небесные просторы или лазурная лагуна, второй же — непроглядный мрак, лаз для нечисти, люк из черного чугуна в кольцо из золота, не глаз, а око. Вместе с изменением рациона карий зрак стал наоборот янтарным колодцем в обрамлении темно-коричневой кладки.

И Злат Змееед, и Ясин Огнев учились в одной школе, церковно-приходской, это не было базисным образованием, простой факультатив. Злат Змееед посещал занятия крайне редко, Ясин Огнев прилежно, не пропуская. Злат Змееед слушал святое писание от отца Арсения в обмен на перекус, Ясин Огнев в перекусах не нуждался, то была родительская прихоть, каждую минуту чада сделать тягостной. «Это потому, что я рыжий», — верно угадывал Ясин Огнев, каждую минуту, что он не спал, он сетовал на свою голову.

Злат Змееед никогда не сетовал, он владел свободой на-

столько, что Ясин Огнев после встречи с ним теперь все свободные ото сна минуты уделял мечтам о такой жизни. «Я желаю столько свободного времени», — грезил Ясин Огнев. «Могу одолжить», — телепатировал ему Злат Змееед, скупаясь потягиваясь. На уроке Божьего слова оба нашли более сакральный смысл, тоже околоцерковный, оба влюбились в дочь отца Арсения Ангелину. Исключительно воздыхательно, то ли ее личная магия, то ли давление закона Божьего с его деревянными почерневшими бревнами (школы была ветха). Арсений заметил внимание к дочери и рассеянность к Господу. Простить он не мог ни того, ни другого в равных негодованиях. Злат Змееед пытался нарисовать Ангелину с обращенного к нему ракурса: затылка, где натужно разделялись две косы. Отец Арсений совсем не вовремя заметил его первые потуги в рисовании, где были начаты лишь первые контуры, так отец Арсений, неверно определив часть тела, отнес влечение платоническое к полюческому.

«Останьтесь», — торжествовал жестокий ментор. Позже он жалел, что не сказал это более эффектно, на греческом.

«Вам двоим не быть в сани, — безжалостно изрек он, и в трех взглядах Ясина Огнева и Злата Змеееда читались и волнение, и недоумение, и наплевательство, — ты рыжий, а ты вообще черт знает, что такое, — указывал Арсений в переносицу Злату Змеееду.

И действительно, рыжим и увечным не пристало вести проповеди, а у Злата Змеееда так вообще черт знает, что та-

кое.

— Не слишком ты строг к мальчикам? — спрашивала Арсения супруга в алькове.

Арсений закуривая в постели отвечал:

— Они меня бесят. Один беспризорник только пожрать приходит, всю его семейку знаю. А вдруг у него вши? А у меня борода, у Энджел косы. Второго так вообще по Петровскому указу следовало новорожденным скинуть в Оку.

— Какой ты у меня начитанный, — удовлетворенно ласкалась жена, поглаживая святейшую бороду, Арсений в ответ игриво замурчал.

Не пойми меня, читатель, превратно, все события, и знакомство Злата Змееда и Ясина Огнева в школе, и их любовные трения, и изгнание обоих произошли в один солнечный день. Тот злополучный переброс рисунка в гризайле, о, сколько школьных тайн было раскрыто зоркими учителями вот такими перехватами и недолетами.

Злат Змеед пытался подбодрить Ясина Огнева, мол, невелика беда, но последнего одолевали сумрачные мысли по поводу потерянных шансов на сан. О послушной головке с туго перетянутыми косами они не вспоминали, кратковременны детские любви и печали.

— Пошли цирк глянем лучше.

Цирк шатровался у самолета. Стоит ли мне говорить, что для непосвященных это был дивный мир волшебства, пусть

и третьесортного искусства, ибо даже дилегантскому взгляду были очевидны номерные шероховатости. В целом бродячий цирк совсем был незатейлив: пьяные клоуны (трезвые они только в фильмах ужасов) несвязно голосили, и проблема определенно не акустическая, клоуны изрядно перебрали. Акробатка пару раз свалилась в сетку, сделав вид, что так и задумывалось. Силач предсказуемо порвал цепь грудью, а медведица совсем изнывала от жары и ее танец потерял в динамике. Факир в тюрбане играл на дудочке смирной кобре, словом, и она не оправдала надежд устроить представление, как и вялый медведь, как и скандалящий ножеметчик. После нескольких аккордов бесплодного шипения кобра ушла в корзинку и бородатый дудочник накрыл ее крышкой.

Искушенный зритель, взгляни на тот дивный мир детскими глазами. Разнообразие клоунских аксессуаров, которыми они пытаются увечить друг друга: оглушительные кувалды, рукопожатия под электрическим напряжением, что просвечивает до костей, после чего долго стоит запах паленых волос, боксерская перчатка на тугой пружине, а карлик из короба выпрыгивает играя на гармонии (тоже пружинная механика). Сабельно-факельные перебросы жонглеров. Гимнастки в костюмах скелетов с фосфоресцентными костями saltуют по перекладинам в виде берцовой кости, тоже фосфорным, чтобы во тьме не схватить лишь тьму. Звери резвы и честолобивы, и звери они лишь обликом, умом же наравне с их истязателями. Они готовы на любую игру, что будет

им предложена, и не так уж и плох выбор, который сделали за тебя. Звери как заколдованные, чересчур отточенная синхронность, без лишнего вздоха и промедления медведи беззвучно вспрыгивали на тумбы, с проворством кошки.

То не был цирк в морфологии этого слова, это были ярмарочные павильоны. Метатель ножей, итальянец, согласно темпераменту взвинчен, устроил экстравагантную драму, ссора наперегонки со своей *bambina* (итал.)³, которую заставлял замолчать лишь свист лезвия. На долю секунды она молчно сомневалась жива ли, после чего продолжала тараторить, словно мыла посуду. И когда сеньор отрывисто ее перекрикивал, вторя ему восклицал и нож глухим врубом, и казалось, что одно из лезвий попадет наконец-то в цель. Но нет, все ножи мимо, прямо в деревянное колесо мишени.

— *Come andare all'ufficio postale!*⁴ — заходилса он.

— *Proprio in fondo alla strada, poi a destra!*⁵ — закипали ее страсти.

— *Grazie. Le buste sono vendute lì!*⁶ — это не игра, это подлинные чувства.

— *Certo, e ' l'ufficio postale!*⁷

— *Come andare all'ufficio postale!*

³ Девочка

⁴ Как пройти на почту!

⁵ Прямо по улице, затем направо!

⁶ Благодарю. Там продаются конверты!

⁷ Ну конечно, это ведь почтовое отделение!

Жаль нельзя дослушать и узнать, чем закончится их скандал за кулисами.

Кобра мирно свернулась кольцами, а ее заклинатель окуривал ее опиум, у них был перерыв. Следующая занавесь — шатер колдуньи. Она же и гадалка, и хиромантша, и ведунья. Молодая цыганка.

Ясин и Злат вошли к ней, и та сразу же ощутила легкость, после приема опечаленных женщин и осанистых мужчин.

— Что вам хотелось бы, о, благородные мужи? — спросила играя винными парами уже располневшая от сытой жизни колдунья.

— Суперсилу! — загорелись их глаза.

— О, уже хотите власти? — отразился блеск в ее, — так принесите мне болотный глаз, и я одарю вас силой, подобной той, что хвастаются боги.

Да, Дилара давно искала растение болотный глаз, в простонародье болотник для зельевых практик. Самой нарвать никак не доходили руки, да и места сплошь незнакомые, принесут — хорошо, а потонут — не жалко. После чего напустив дымку исчезла за ширмой, где ее ждала настойка, отнюдь не на болотном глазу. Она уже и сама не помнила, для какого ритуала ей нужна была болотная колючка, но если бы необходимость имелась острая, она бы сама разыскала ее среди городского асфальта.

Для Дилары дьявол уже давно стал на ты, сердце ее очерствело, и вся та магия, что была ей доступна, уже бо-

лее ее веселила, нежели внушала почтительность. Все более в ней просыпалось женское в поисках мужского, любовь к сладкому полнила, а к горькому закрывала множество колдовских замков, тех пространств, где у рассудка другие более четкие частоты.

Ясин Огнев и Злат Змеед из сумрачных павильонов вышли в летний полдень, будто первые люди из пещер, столь болезненно приветствовало их солнце. В летние каникулы завет Божий и впрямь сродни каторге. Ныне, вкусив плодов запретных, пива и сладкой ваты, они приступили к своей приключенческой миссии. Болотный глаз, экий амулет, их волнение можно понять, на горизонте миражилось могущество, и инструмент, и награда, пока смутно осознаваемое и совсем неосязаемое, но столь манящее по мультяшным мотивам. Хмель храбрил их, сладкая вата придавала легкости, будто облака проглоченные чревом, но стремящиеся назад, к небу.

— Смотри! — воскликнул Ясин Огнев.

— И что с того? — не внял его воодушевлению Злат Змеед.

— Как что? Из школы отца Арсения, с нами учился!

Злат Змеед вообще не обязан был помнить, кто с ним учился в необязательной школе. Он и Ясина Огнева обязан забыть по окончании сегодняшнего дня, таков уж человек, бродячий ковыль.

— И что с того? Деньги есть у него?

— Да он же в Ангелину влюблен до беспамятства! — открыл занавес Ясин Огнев, — голову на отсечение даю, это он нас вложил церковнику.

Злат Змеед воспроизводя пережитое, помнил о четырех действующих лицах, пятого не помнил, а сам акт в одно действие, но уже не хотел отпускать жертву с доказанной виной и предположительной наличностью:

— Стой! — и предатель стоял, молча и напряженно.

Разговор был закончен, Злат Змеед умел бить залихватски, по-взрослому, Ясин Огнев воодушевился крепости товарища и слабостью доносчика, стал тоже бить сволочь и предателя, но бил его в угоду ревности. Облака в их животах стали подобны грозovým тучам, такой силы был их праведный гнев, но хмель быстро навлек слабину на их члены. Сильно побить неприятеля не удалось, во многом из-за хорошей партерной защиты, сказывался опыт. Денег тоже не нашли, да так бы и ушли, если бы не взгляд полный обиды и страха.

— Смотри! Его глаза! — воскликнул Ясин Огнев.

Сцена происходила под рябиной, чьи плоды от зноя ссохлись, а листья поедали полчища пушистых гусениц, было в тот год нашествие непонятных тварей, которых птицы склевывали крайне неохотно, предпочитая бражные ягоды. К слову на следующий год ненастье не повторилось, укочевав должно быть в иной простор. Их имаго — бабочка с иссиня-черными переливами, с красными бисеринами на месте

глазок. Тогда Злат Змееед сорвал листок с одной гусеницей.

— Нам нужен твой глаз, отдавай по-хорошему, а тебе вот что, — протянул он непонятный презент, где на листике несмышленная тварь ощутила всеми своими ворсинками незапланированное движение; могла ли она разумать, какая судьба ей уготована?

Обреченный подобно гусенице, еще не объял всего надвигающегося ужаса, а где-то позади Злата Змеееда Ясин Огнев, обступая лежащих бражных дроздов, также рвал рябиновый лист. Злат Змееед как рэкетир наторелый, с согласия своего обидчика выцарапывал из глазницы, наконец ухватив сферу указательным крючком, ловко, будто наш местный хирург Горностаев, вытащил заповедное болотное око, но без гримасы радостного рыбака, выгребшего сорокакилограммового сома, а с угрюмым сосредоточением губ, будто вдел нитку в иглу.

Чтобы понять боль вытщенного глаза стоит сказать, что боль — это угроза для мозга, и чем ближе она подбирается к мозгу, тем больнее. Пугало не издал ни звука, участие его в столь бесчестной сделке ознаменовалось параличным молчанием. Кто-то уверяет, что Пугало сам вытащил глаз, отдав его Злату Змеееду, который в свою очередь стряхнул в пустую глазницу отчаянно цеплявшуюся за лист гусеницу. Так или иначе Злат Змееед забрал причитающееся. На этом кошмар для Пугала не закончился, оставшимся обзором он оцепенело следил за стоящим на заднем плане лукавым го-

рельефом. Вся фигура Ясина Огнева замерла в воодушевлении и азарте над операцией, проведенной доктором Змеедом З. над ненавистным доносчиком, а по завершению Ясин Огнев, стоявший в полный рост, приблизился с располагающей улыбкой, в которой полученное удовольствие мешалось с надвигающимся блаженством.

— Возьми, — столь добродушно, пусть и с налетом торгового таланта, произнес Ясин Огнев, — нам нужно оба болотных глаза.

Прекрасная картина нашего художника Евангелия Миролюбова выставлена в муромской галерее искусств «Раздумье Пугала», где на его челе одновременны страх и смирение, приоткрывают нам сцену грядущего. Глупец, усевшийся среди развалившихся нестройными крылами птиц и под взорами сотен прожорливых гусениц, отвлекшихся ради такого зрелища от рябинового изобилия. Очарователен в улыбке своей Ясин Огнев, его предложение ультимативно, исход известен наперед. Несколько смятен Злат Змеед, его молчание многозначительно, в нем брезжит неодобрение. Момент перехода от пьяного веселья к философской депрессии. Отвечая себе на свои чувства Злат Змеед ощущает разницу тоннажа, несмотря на идентичность поступка. Вытащить один глаз и вытащить единственный глаз не одно и то же. Злат Змеед даже подобрал слово — не гуманно.

Улыбка Ясина Огнева была последним, что увидел Пугало, после чего с покорной дрожью в пальцах достал требуе-

мое и передал его в холодную чужую ладонь. После чего в глубине кратера его второй глазницы зародилось нечто, извивающееся и щекочащее.

Предсказательница-медиум-колдунья, девушка лет четырнадцати, поначалу подумала, что ее подвел совсем рассудок, и только когда получила повторное пояснение о болотном глазе уразумела анекдотичность произошедшего. Профессиональный юмор всегда черен, Дилара же, сдерживая улыбку, все же приняла принесенное, и такие аксессуары в черной магии пригодятся. Во всяком случае глаза человека добыть сложнее глаз растительных, проще разве что на рынках рабов. Долгожданный черед расплаты настал, возделеннейшая награда нашла своих героев, но и здесь нашлось место неопределенности:

— Тяните карту, — прошептала протянутая колода Ясину и Злату.

Всегда дерзкий Злат на сей раз суеверно медлил, а всегда выжидательный Ясин первенствовал:

— Повелитель огня, — таково текстовое пояснение высится над геральдическим пламенем на ламинированном картоне.

Никакой магии или хотя бы переливчатой голограммы.

— Повелитель огня, — утвердила Дилара со все серьезностью, — будь осмотрителен.

Ясин Огнев долго еще искал пояснений в прямоугольни-

ке черных и белых красок, переворачивал его рубашкой, тер пальцами, но уже наедине с собой, ибо Злат вытягивал свою карту. Он отстранял руку, вглядывался в крап, долго выбирал меня судьбу и под конец все же обманул и ее, резко и не думая схватив ту, что не красовалась в первых рядах, поднырнул к самой нижней.

— Пожиратель змей, — пробормотал он и в слогах его звучал скепсис фортуны.

Это не значит, что ему не по душе прихлась карта, где змея замкнутая в круг пожирала свой хвост. Скорее всего картинка его и смутила, а смысл слов еще не пришел к сознанию его медленным слогом.

— Хорошая карта, — с должным почтением констатировала Дилара, — действительно хорошая.

Злат Змеед ей поверил. У Дилары было прекрасное настроение, она надеялась на своего Царя, покровителя чародеев и оккультизма разных мастей и мастерств, потому спешила спровадить чудаков, чтобы предаться уединенному веселью.

Друзья вышли в смятении от награды, каждый сомневался в том, что его выбор лучше, но каждый отстаивал свою удачу, приводя доводы. Каждый думал как заполучить вторую карту, но каждый понимал, что того делать не стоит. Наши герои так увлеклись, что не обратили внимания как стемнело, не запомнили они и того, как расстались, каждый в своей отраде.

Но они так и не заметили, что все то время с момента как их изгнали из православной школы за ними шел еще один:

— Проследи за ними, Лев, — дал тогда указание отец Арсений своему шпиону.

По условному жесту своего информатора отец Арсений и узнал о злополучном рисунке. Шпион был неотступен, он видел и слышал все, в том числе произошедшее в шатре Дилары. Ему тогда тоже захотелось иметь суперсилу. Был он и свидетелем сцены под рябиной. После того, как Ясин Огнев и Злат Змеед завершили свое возмездие, окончившееся еще и выгодой, Лев подошел к беспомощному страдальцу, плачущему как котенок и звавшему подмогу:

— Помоги мне, добрый человек, доведи до дома, не оставь в беде, меня баушка заругает.

Тогда шпион отца Арсения обошел несчастного, огляделся и вцепился обеими руками в рот последнему. В неравной, но долгой борьбе, закономерный победитель вырвал язык у побежденного, сделав увечного еще увечнее.

Тогда позабыв об агентурном долге своем, ослепленный наградой, что предлагал ему дьявол, он также зашел в шатер Дилары после выхода из него Злата Змееда и Ясина Огнева. Дилара вновь прыснула смехом, усиленным удачным приобретением.

— Чувствующий дуб? — вертел в замешательстве карту Лев Дубов.

— Там, где есть дуб, ты его будешь чувствовать. Беспон-

тово. Не повезло, — развела руками Дилара.

Ясин Огнев шел домой, что располагался совсем неподалеку, где он единственное обожаемое чадо, и лучезарность его запоздалого появления разряжает любые тучи воспитательского диктата, где напускная строгость, где есть спрос, есть и любовь.

Злат Змеед брел долгой своей дорогой в тот ветхий старый дом, далекий и домом он был разве что для сквозняка, для семерых детей он был ночлежкой, постоянным двором, где подпаивались усталые лошади. Стоит ли говорить, что все они, как и их родители столь же непутевы, но и это слово не отражает суть, напротив, все они бродяги множества дорог, мастера пустых ремесел и немногословные хранители впечатлений.

Металл в этом доме недолговечен, оставленный с вечера уснувшим пьяным братом — добыча ночной проворной сестры, отошедшей ото сна. Вот поздней ночью она тащит неприподъемный мешок до первой ели, рассчитывая вернуться на следующий день с заимствованной тачкой. Но к тому времени, его уже найдут, и подхватят более сильные мужские руки другого брата, уже до платежного адресата. Потому родня, коей посчастливилось оказаться под одной худой крышей старалась не смыкать глаз, пока не сомкнет их другой, и открыть их до пробуждения неприятеля.

Похожий сценарий приключался почти всегда, когда Злат Змеед вступал под родную кровлю, где за пустым столом

сидела Зоя, и это не первая строчка простого стиха. Злату Змееду сложно передать буквенно их взаимоотношения, оба они из младшей когорты жильцов, с Зоей, самой младшей, Злат Змеед с удовольствием проводил время, всегда неиссякаемого и бессмысленного, столь ненавистного из-за голода, утоляемого лишь опротивевшей и обожаемой картошкой, особенно когда на десяток километров вокруг обшарен лес в поиске грибов, обнесены соседские огороды, да если бы и водились в их округе змеи, никаких карт не нужно Злату Змееду, чтобы сожрать любое живое. А как переживали зимы уму непостижимо, когда к весне лишь снег и талая вода, сейчас Злат Змеед и упомянуть не мог, какие ангелы запасали картошку на зиму, а какие воровали ее по ночам. В воспоминаниях лишь самогонная попойка и беспробудный сон на полу и топчанах. Между старшей сестрой и младшей Зоей три десятка голодных зим и полное неведение о существовании друг друга. Сведений о трех старших отпрысках этого дома не имелось и у Злата Змееда, лишь отголоски разговоров средних. После той таинственной сестры следовали еще два брата, Семен и Степан, совершенно заблудшие пьяницы, еще более никчемные работники, и совсем уж бездарные воры. Еще куда ни шло, когда они были по одному, но стоило им действовать совместно, все шло из ряда вон уничтожающе, с ножами в финале, и хорошо, когда резались краденные куры, но в последний раз это были, хоть и не ахти какие, но все-таки люди. Оказался ли тот заключительный

запой заключающим в тюрьму, неизвестно, но то, что он был исключительным и оказался исключаящим из дома, это наверняка. Братья подались в бега и до некоторых пор о них ничего не было известно.

Старшая сестра, Семен и Степан были от другого помета, это были сводные родственники. Затем следовали родные. По старшинству шел Захар, запавшие вглубь глаза сильно оттеняли веки, недополучившие солнца, а нависший лоб порождал вид некоторой умственной пещерности. Захар оказался более приспособленным к честному труду эволюцией и имуннозащищен от пагубного пьянства. Он работал в Муроме на рабочих специальностях. После Захара появилась сестра Зина. Ее даже можно в некоторой степени назвать привлекательной, но о ее внешности позже. Зина была менее постоянна в работах, нежели Захар, в основном ее выгоняли работодатели из-за нетерпимости к частым утренним недомоганиям и упрекали в выборе средств лечения. Зина в ее бытность работы мороженщицей угощала Злата Змееда бесплатно, а пьяная ласкалась странными порывами. А с дородностью Зиной, ее покатыми плечами и крепкими бедрами, для Злата Змееда она представляла более угрозу, нежели объект эротизма, слишком слаб еще был по отношению к ней младший брат, их пропорции тогда казались ему сродни паукообразным; так Злат Змеед не любил, когда Зина спяну ночевала дома, во-первых, она делала это с ним в обнимку, а, во-вторых, громко храпела.

Все поменялось, когда Зина вышла замуж, у нее даже намечалась нормальная жизнь, когда она одному деревенскому дураку почти спотомствовала сыном, увы, удушенном пуповиной. Дурак был работающий, не пьющий, не гуляющий, терпевший ее спесь и те пороки, которых сам был лишен, словом, круглейший из дураков. Единожды подняв на нее руку, бросился за топором, столь опасным хищником оказалась его совесть, хотел отрубить себе дерзнувшую кисть. Благо Зина бросилась за ним следом, умоляя бить ее, неразумную бабу, чаще. Конечно Зине наскучила деревенская семейная жизнь, преимущественно ночью, а особенно, когда в городском небе сверкал салют. Зина, а в городе она представлялась менее деревенским именем Даша, если не заметить некоторые мимические особенности, приоткрывающие скудость интеллекта, и неряшливость, хотя это громко сказано, думаю, уместнее слово недочеты, могла сойти за красавицу, а молодой ее метаболизм сохранял фигуру желанной. Когда у Зины заканчивались деньги она находила новый займ, почти всегда не такой большой как запрашивала, но, повторюсь, почти всегда, ибо избавиться от Зины тяжелее, нежели ее приобрести. Во всяком случае Зина обладала талантом находить кров, еду и веселье, ибо была абсолютно свободна от запретов совести и эстетической критичности.

Старый дом, невесть в чьей собственности находился, была у него своя волнистая наследственная судьба. Так несколько раз передавался он новым вдовам и вдовцам от

старых вдов и вдовцов, потому время от времени туда навесывались совсем не родные люди, агонизирующие своей покойной матушкой или отцом, которые занимали дом по праву. Порой совсем обреченные люди, которых зачастую совсем сложно было выгнать, до того они были сильны, буйны, пьяны или жалки. От них, оборванных и голодных, стоял смрад. Некоторые из них создавали страшное впечатление людей, пришедших с душегубских троп, но так и не сошедших с них, а лишь взявших передышку. Тогда дети и подростки решили любых гостей, в частности тех, что позиционируют себя хозяевами, гнать прочь.

Отчетливо помнил Злат Змеед ту ночь перед Рождеством, что довелось провести им в столь не термостойком месте.

Думал Злат Змеед как наутро проснется он таким же оголодавшим, как и ложился. Металлолом на пищащие кишки искать совсем не захочется. Такие случаи необъяснимой выдержки, когда голод лишь досадное неудобство наподобие сырых кроссовок или грязного тела, потерпеть день-другой не велика беда. Если сильно прихватывает, одна напасть или все разом, всегда выручит Зина. Может не пустить на порог, когда она не властна, но поесть вынесет. Касаемо гигиены это занимало меньше усилий, в городские бани его пускали всегда за подсобную работу, зачастую символическую. Злат Змеед благодаря широкой сети бродячих знакомств в на-

сущном недостатка не имел никогда, в уме он всегда держал ночлегом интернат, но ни разу им не воспользовался. Всегда находился тот, кто оплачивает его ночь, будь она в кабачке, это делал одинокий меланхолик, под открытым небом — хорошая погода. Чтобы вот так направить свои неутомимые ноги в дальний дом требовалось особое настроение, сегодня им стала карта пожирателя змей. Ходом через ночной лес Злат Змеед пытался выискать в себе тот кирпич, что меняет кладку всей судьбы. И как ни старался он себя обмануть, он ощущал все тот же лес, тот же ветер и звезды, и себя он ощущал все тем же, разве что голод был иным от растраченного понапрасну времени. Сосновые ветви скрипели от прыгающих по ним духов, в которых Злат Змеед кидался шишками до тех пор, пока не начинал их действительно видеть и тогда уже бежал без оглядки. В гамме лесной вибрации раздалось нечто выразительное, будто кто-то скреб кору. Злат Змеед вперил уши во мрак, когда все пространство сумрака, что могли различить глаза заполонила гримаса ужаса. Несмотря на испуг Злат Змеед запустил-таки шишку в эту маску блеклых глаз и распахнутой пропасти рта. В момент лицо, увернувшись от снаряда, преобразилось в узнанное и родное, оно залилось смехом и вот уже Злат Змеед хохотал в ответ:

— Ты что не в интернате?

В этот момент Зоя развернула котомку, полную расстегав:

— Да коли у меня на каждый день пожрать было, я бы

вовек там не появлялась.

— А водка есть? — уже наглед к удаче Злат Змееед.

— Ишь какой! Водки ему! — прибралась Зойка.

Расстегай, что предвкусительно пьянил без водки, Злату Змеееду показался пресной лепешкой с подпорченным фаршем. Зоя, она же Зайка, вечноцветущая в своей улыбке, растеряла градус своего задора от подобной неожиданности. Для ее ночной проголоди это кулинарное величие. Тем более, что в фарше она распробовала обжарку морковки и лучка, и тесто, напитанное мясным жиром. Ради братского вкусового удовольствия она готова была предоставить свое, обменяв свой замечательный расстегай на его отвратительный, но они открыли друг другу свои реакции после трапезы.

Вместе они вспомнили ночь перед Рождеством, когда они, Зина и Захар, спонтанно оказались под одной крышей. Ныне же они, желудком рады, душой грустили, что нет с ними Зины и Захара. Воспоминания сплошной вакханалии и мордобоя (голод никогда в воспоминания не переходил), выкрасились в шумное веселье беззаботного детства. И вспомнили покойную гулявшую от деревни к деревне мать, по возвращению в дом то горько плача о бедных, беспризорных ее детях, то забывавшаяся в новой радости, поднимая осоловевшие тосты за здоровье и счастье своих чад. Крепкий смурной отец остался вспахивать неподатливую землю в далеком детстве. И уж совсем плохо помнил Злат Змееед парализованную баушку, любившую темные углы и передвигавшуюся

как паук. Отец тогда спрашивал:

— Мать, ты где? Видишь меня?

— Вижу, — доносилось скрипуче из-за печи.

Проснувшись в полдень Злат Змееед припоминал смутный бутафор сна, в нем была Зоя, пресный кулебак и ни глотка водки. Зоя дернула рано, поутру, было бы что ценного у Злата Змеееда прихватила бы с собой, но в ту ночь Злат Змееед спал документально заверенным банкротом, в верхнем кармане его рубашки змей свернулся в баранку, числовой символ на случай ночного разбоя. Зоя прихватила карту с собой, более по традиции семейного обноса. Так по-братски и по-сестрински обворовывались братья и сестры. Так и сейчас, Зоя, погладив по голове беспокойный сон, балансируя пальцами по лакунам поношенных джинс, обнаружила в рубашке вместо поживы лишь сувенир атласного картона. Он был бы ей незачем, коли не то преображение в улыбке Злата Змеееда, которое примет его лицо после того, как его обставит Зоя в очередной раз. Уже спеша подальше от дома по своим делам, которые еще не придумала, при себе имея лишь зубную щетку (тоже трофей) и карту, она порхала в приятной легкости, в полной уверенности, что ее забава будет оценена столь же весело и Златом Змееедом, который уже просыпался. Зоя представляла, как ее брат с юмором и почтением к розыгрышу смажет кулаком себя по колену. Злат Змееед и впрямь сделал этот жест, но в сердцах и

многократно проклиная шельму.

По пути в Муром он уже и позабыл о потере, как и о вчерашнем дне, и жизнь вновь одела платье бестолковщины и как-то сразу подурнела, то ли была она намеренно наряжена провидением и избранностью. Но Злат Змеед потерял эту мысль в эфире, полном проселочной пыли.

Злат Змеед пришел к ярмарке и вновь так просто прошлое всплыло в пестром балагане шатров. Он искал чародеицу, но ему ответил рассерженный на нее антрепренер что-то невнятное, видимо не впервой. Злат Змеед поплелся глазеть, час утренний, да день воскресный. Толпился люд:

— Уберите пьяного, змея не терпит запаха, — какой-то работяга осмелился ее погладить из-за чего прервал игравшего на дудочке факира.

Потасовка позабавила пришедших, пьяница в кулаке зажал клочок туркменского заклинателя, оравшего лучшими перифразами русского мата, антрепренер с седой шевелюрой и красным лицом бросил коньячный кофе и ворвался в сумбур. Его фрак, дешевого пошива дал трещину в плече и обнажил белый подклад синтепона. Кобра, великолепно выдрессированная на туркменский «фас» — «алмак», отреагировала молниеносным прыжком и укусом в кисть, что сжимала уже казалось трофейные волосы из бороды змеиного дрессировщика. Присутствующие ахнули.

— Теперь сдохнешь, дурак! — злорадствовал шайтан.

Пьяный, довольно крупный эпизодник, схватил чертовку

за хвост и швырнул в толпу, отпрянувшую с еще большим эффектом. В расступившейся людской бреші был мальчик, на пути экзотического червя. Мальчик прыгнул словно дикий кот (камышовый), прямо на четвереньках, схватив обеими руками капюшон змеи, обвившей хвостом его запястье, и посмотрел ей в глаза. Наш знаменитый художник Сонм Лунский точно передает нам этот ее взгляд: обсидиановый ужас, блики более крупные, чем положены притушенным светом, предоставляют нам сходство с человеческим зраком, и рисуют испуг максимально приближенный к людскому. Змеиная оторопь была оправдана, через мгновение ее оторвет прожорливая гильотина, но мгновение это будет тянуться страшные и болезненные секунды. Сначала клыки накроют ее капканом, затем тьма, теплая и влажная, нестерпимая боль тисков медленно, но неминуемо отчленяющих ее от мира, такого уютного, где ее корзинка, мелодии дудочки, под которые так приятно танцевать под опием, и конечно старик, что был ей и отцом, и музыкантом, и кормильцем. Хвост продолжал бесноваться в судорогах, продолжая агонию уже без головы, и без тела, и только в желудке, будучи всосанным подобно макаронине закончил свое биение. И вновь качнуло толпу на палубе.

— Эклезиаста! — возопило безутешное сердце, — мерзавец! Подлец! Я же знал ее червенком! — старика подхватили растроганные горем.

— Представление закончено, господа, леди, прошу всех

на выход, — горланил антрепренер, как ни в чем не бывало; он был улыбочив и харизматичен, но в улыбке той чуть подтикивал глаз, — задержись, пацан.

Антрепренер, оставшись со Златом Змеедом и слабым на сердце стариком в театральном припадке, деловито вышагивал:

— Пацан, ты вообще представляешь сколько стоит твой завтрак? Ты вообще в курсе, что за испорченный реквизит необходимо платить? Слышал ты вообще такое как возмещение ущерба? А компенсация? А издержки? Долг? Слово деньги тебе вообще знакомо? — дедуктировал делец.

— Она была мне как дочь, — протоскливела со стула ипостась самого глубокого горя.

Злат Змеед в этот миг находился где-то в невесомости рая, испытывая блаженство, никогда не ощущаемое прежде. Сколько он находился в этой опийной корзине Злат Змеед не заметил, с трудом пришел в себя от яростной хватки, что сотрясала его грудь. То был старик, сменивший упадок духа на выплеск гнева. То были туркестанские проклятия в замесе со знакомой речевой простотой. После того как последняя пуговица отлетела с рубашки Злата Змееда вмешался антрепренер, а лицо его доселе озабоченное внеплановыми расходами прояснилось предприимчивой ухмылкой:

— Вкусней чем водка?

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Мой путь был недолог, от моего дома до дома Ильи Муромца с полчаса ногами, наискосок по заводским путям мимо гаражей к Белому Орлу, по прямому Фанерному и там вверх напрямки Карачарово. Там стоит деревянный музей — дом Ильи Муромца. Здесь же можно прикупить и сувениры, иконы, ножи, магниты, открытки и много всякой коммерческой мишуры. Здесь же мне и наливал медовуху трактирщик, отличие его от бармена в узорчатой вышиванке, на груди не бэйдж, а виньетка в старославянском стиле. Крепок статью, с аккуратно стриженной бородой, стильный богатырь. На старорусский манер Олѣгъ и его английские и китайские дубляжи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.